

В О С Т О К

ЖУРНАЛ ЛИТЕРАТУРЫ, НАУКИ И ИСКУССТВА

К Н И Г А П Я Т Я Я

**„ВСЕМИРНАЯ ЛИТЕРАТУРА“
ГОСУДАРСТВЕННОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО
МОСКВА — 1925 г. — ЛЕНИНГРАД**

политического противника (младотурка), и, разлученная, чахнет в чуждой ей (материнальной и духовной) атмосфере и, наконец, умирает, когда близко торжество тех идей, ради которых она пожертвовала личным, женским, счастьем; но умереть должен и ее муж, старик Хюсипаша, который, угрожая жене, постепенно отступал от программы партии (между прочим, сдержанно настроенной к женской свободе). Подчеркивая значение старших сородичей османцев, „татар“, — Халид Эдиб и Огуз-бей ведет, по матери, из Добруджи, куда, как известно, давно хлынули из Малой Азии людские волны турок.

Письмо проникнуто религиозным благоговением перед родиной, — ее природой, нравами, бытом, одеждой и т. д. Но кое-что наивно-сентиментально, а иногда незнание истории вносит ложное освещение (и культура сельджукидов, да и дервиши-мевлеви обнаруживают тяготение к миру иранскому, но не турецкому). Для композиции повести характерно введение писем, разъясняющих ход событий; это, впрочем, излюбленный прием в творчестве Халид Эдиб.

Поклонница национальной культуры, она (как и все националисты-туранисты) признает, однако, силу и европейской цивилизации, — ее дети воспитываются за границей — в Мюнхене.

Вл. Гордлевский.

◆ Проф. Ф. В. Баллод. Очерки древне-египетского искусства. Книгоиздательство В. З. Яковлева. Москва—Саратов. 1924 г., стр. 186.

Проф. Баллод своею книгой подарил русской египтологической литературе прекрасный общий труд по истории египетского искусства. Во введении автор набрасывает яркую картину того влияния, которое оказали художественные формы долины Нила на Европу, начиная с эпохи Римской империи, вплоть до наших дней. В связи с этим он дает краткий очерк развития науки истории египетского искусства как у нас, так и на Западе. Посвятив затем первую главу хронологическому очерку, Ф. В. в следующих семи главах своего труда рассматривает с исчерпывающей полнотой памятники искусства, начиная с доисторических времен, вплоть до ливийско-эфиопского периода. Здесь ему удается дать историю развития форм художественного творчества египетского народа в области архитектуры, рельефа и живописи, скульптуры и прикладного искусства. В заключение дается ясное и отчетливое определение своеобразности египетского искусства. Ценным дополнением является

приведенная в конце книги довольно полная литература предмета. — Таково в кратких словах богатое содержание труда Ф. В. Баллода. Лишь в деталях я не совсем согласен с изложением автора, и некоторые из этих моих возражений я позволю себе здесь привести. Первое из них касается хронологического очерка, в котором проф. Баллод совсем не коснулся новой датировки Л. Борхардтом начала Египетского государства. Правда, проф. Баллод в своем предисловии говорит, что новая хронологическая теория Борхардта им намеренно не упомянута потому, что „рассуждения Борхардта требуют всестороннего изучения“. Соглашаясь с этим, я все же решаюсь высказать сожаление, что Ф. В. эти „рассуждения“ не подверг „всестороннему изучению“. Хронологическая теория названного немецкого ученого, высказанная им в его исследовании „Анналы и хронологическое определение древнего царства египетской истории“ (Берлин, 1917), заслуживает большого к себе внимания. Борхардт путем остроумного и вместе с тем строго научного восстановления Палермского и Каирского фрагментов — аннал, определяет начало правления Менеса (первого царя-объединителя Египта) не 3315 г. до нашей эры, как Эд. Мейер, а 4186 г. до нашей эры. Данные раскопок в Египте, на Крите и в Финикии не противоречат, кажется, этому положению Борхардта, удлиняющему египетскую историю на целых 700—800 лет. Кое-кто из серьезных ученых, как Леман-Гаупт и Сете, начинают примыкать к новой хронологии. Даже такой осторожный исследователь, как Шефер, в последнем издании своего труда по египетскому искусству принимает ее с некоторыми оговорками. Поэтому жалею, что столь крупный эрудит, как Ф. В. Баллод, не попытался проверить возможность новой хронологии на основании мастерски трактованного им археологического и историко-художественного материала древнейших периодов Египта. Переходя к замечаниям, касающимся уже глав историко-художественного содержания, я в главе о Мемфисском искусстве высказал бы, пожалуй, пожелание о большей обстоятельности в изложении своеобразной архитектурной концепции солнечных храмов V династии. Я полагаю, что можно было бы указать на связь этих храмов с древнейшими святилищами, являющимися такими же окруженными оградой дворами с фетишем бога посредине. Интересно было бы указать и на рельефы храмовой ограды, изображающие радость тварей воды, земли и неба при восходе

жизни творящего солнца. Величавая религиозная концепция, создавшая эти храмы V династии, снова оживает в эпоху Эль-Амарны. В той же главе о Мемфисском искусстве можно было бы более определенно указать на появляющиеся изредка в гробницах V и VI династий попытки изображений даже самих владельцев гробниц в правильном рельефном рисунке (ср., напр., Нефер-сехем-Птаха у Масперо, „История искусства Египта“, рис. № 116). Такой смелый отказ от обычного „канонического“ изображения владельца гробницы объясняется, очевидно, тем обстоятельством, что одни и те же художники украшали и гробницы вельмож, и заупокойные храмы царей. Перед царем - собственником храма - гробницы гордые вельможи трактовались художником на положении слуг, и в качестве таковых они изображались с плечами, не развернутыми в плоскости. Повтому и мог художник, изображавший вельможу в заупокойном храме царя в более или менее правильном профиле, изобразить его таким же образом и в его собственной гробнице. В главе об искусстве первого Фиванского периода я считал бы более удобным, по примеру Масперо (в его „Истории искусства Египта“), упоминать Менхутотепов XI династии без нумерации, в виду спорности числа и порядка следования этих царей. Странички, посвященные искусству Аменофиса IV, очень хороши, и меня только смущает столь четкое распределение автором трех стилей Эль-Амарнского искусства по годам правления царя - еретика. Я продолжаю думать, что эти стили, соответствующие трем местным школам, — Фиванской, Мемфисской и Гермополитанской, — сосуществовали до известной степени друг с другом в течение всего царствования Эхнатона (ср. мою статью „Эрмитажная стела Харемхеба“ в Ежегоднике Госуд. Инст. Ист. Иск., т. I, стр. 107 и след.). Последнее мое замечание касается оценки автором искусства XIX династии. В таких словах его: „нельзя отрицать некоторой прелесть, напр., рельефа Сетоса I из Абидоса“ (стр. 169), кажется, проглядывает несколько отрицательное отношение к искусству этой эпохи. Я думаю, что это не совсем справедливая оценка, и великое искусство царствований Сетоса I и Рамсеса II заслуживает более симпатизирующего подхода, но, конечно, de gustibus...

Все эти мои замечания и добавления касаются только мелочей, и они, не затрагивая существа книги, несколько не умаляют бесспорной ценности ее. Заключая мою небольшую рецензию, я позволяю

себе высказать надежду, что Ф. В. Баллод подарит нам скоро такой же прекрасный труд по истории искусства Саисского периода и Греко-Римской эпохи.

В. Струве.

◆ *Бузескул, В. П.* Открытия XIX и начала XX века в области истории древнего мира. Часть II. Древне-греческий мир. П. 1924. 8³, стр. 182.

Вторая часть новой работы акад. Бузескула (см. „Восток“, № 4, стр. 180—181) посвящена той области — Греческому миру, — в которой он является в настоящее время одним из первых авторитетов. Его классическое „Введение“ давно стало настольной книгой у всех, занимающихся Грецией, выдержав много изданий и переводов на различные языки, что не часто выпадает на долю русских ученых работ.

Однако, вторая часть „Открытий“ представляет интерес не только для лиц, стремящихся в область Эллады. В ней найдет немало поучительного и нового материала любитель и исследователь древнего Востока. Иногда, в других комбинациях, завершающих общую картину, он встретит уже известные ему по первой части имена Вуда (стр. 15), Лепсиуса, Лейярда (стр. 29), Ренана (стр. 62); промелькнет перед ним оригинальная фигура эллиниста XV века Кирриака Анконского, про посещение которым Бейрута, Дамаска, Египта как-то обыкновенно забывают (стр. 9). Роль Наполеоновской экспедиции освещена здесь не только в ее отношении к древнему или арабскому миру, но и к греческому Египту (стр. 18). Иногда в этой части даются новые детали к материалу первой, как, например, подробности о Пальмире в связи с исследованием Абамадек Лазарева (стр. 80); иногда сообщаются подробности, которые остаются до сих пор мало отмеченными, как упоминание про калмыка Федора — художника при лорде Эльдджине в начале XIX в. (стр. 19), или родственные связи открывшего Трою Шлимана с Россией (стр. 39, 53).

Глава пятая об открытии и изучении греческих папирусов (стр. 81—109) имеет, можно сказать, в целом непосредственное отношение к древнему Востоку; история находок в большинстве случаев связана с почвой Египта. Значение этой главы повышается от того, что автор не забывает отметить интересные факты из сопредельных областей; так, им упоминается про находку арабского текста произведений Феофраста; о которой сообщено в 1918 году (стр. 101) или значение Восточного Факультета